

ВИКТЮК, БЕ-ГИ!

Евгения ЗАБОЛОТСКИХ

■ Он застал девять российских правителей и при каждом ратовал за свободу. Создал больше двухсот спектаклей, самый известный - «Служанки». Ушел в 84 года, в то время как в душе всегда было 19.

ХОТЕЛИ ВЫПИСЫВАТЬ

Роман Виктюк любил маски. Во многих своих спектаклях. А когда начался ковид, маски появились в его театре, как сувениры. Черные. С цитатами. Например: «Молчи. Танцуй свои слова» (из постановки «Нездешний сад. Рудольф Нуреев») или «Мадам прекрасна!» (из «Служанок»). Их раскупили тут же, как маэстро не стало. Видимо, выбрав оружием в борьбе с коронавирусом, который и сгубил режиссера.

Виктюк попал в Бахрушинскую больницу 27 октября. За день до дня рождения. И почти сразу его перевели в реанимацию. Спустя время режиссеру стало лучше. Хотели даже выписывать.

Он возвращался к жизни. Репетицировал **Гомера** и **Борхеса**. Рвался репетировать премьеру - комедию «Скок в постель». Однако 17 ноября мастера настигло частое последствие ковида - тромбоэмболия...

Прощание с Романом Григорьевичем шло в родном театре около четырех часов. Последний приют Виктюк нашел, как и хотел, в родном Львове рядом с мамой и папой.

СЧАСТЬЕ НЕ ПРОСПИ

...В 2010 году мне посчастливилось взять интервью у Романа Григорьевича. Виктюку исполнилось 75 лет, и к юбилею он готовил премьеру «Король-Арлекин». Олицетворение-самозванец. Я несколько лет охотилась за режиссером, но он ускользал. А тогда, кажется, сказала ему, любителю мистики, что по знаку зодиака я тоже Скорпион. И Роман Григорьевич оставил номер

домашнего телефона. В условленное время набрала и услышала голос: «В потоке жизни не усни. А коль уснул, то остановку, - тут Виктюк делал свою знаменитую паузу, - счастья не проспи». «Алло, Роман Григорьевич!» - кричала я сквозь шум машин, все еще не понимая, что обращаюсь к... автоответчику. А тот перешел на шепот: «Не проспи, не проспи...» - и засмеялся. Однако надо было узнать, когда и где у нас интервью. И набрала номер еще раз. Виктюк трубку взял.

- Роман Григорьевич, у вас такой необычный... - начала, но режиссер остановил меня. И тоном, не терпящим возражений, сказал:

- Завтра перед репетицией. В назначенное время была в Театре Виктюка. Там шел ремонт, но репетиции проводились.

Роман Григорьевич в облаке дорогого парфюма вплыл в зал. И заполнил собою все пространство. Одет был, правда, не в умопомрачительный пиджак, который так любил, а в длинную вязаную кофту-пальто. Шею укутывал малиновый шарф. Темные очки. На пальце - перстень, подарок Версаче. Часто звонил телефон. Хитом Фредди Меркьюри I want to break free («Я хочу вырваться на свободу»).

Актёров называл «детьми». «Димуля! На голос иди, сына! Нет! Не поворачивайся! Чепуха! Туда не смотри, дурачься!» - указывал ведущему актеру **Дмитрию Бозину**. Тот играл Арлекина.

Виктюк на репетиции - театр одного актера. Он весь в процессе. Подпрыгивает, размахивает руками. - Премьера к юбилею - лучший подарок для вас? - спрашиваю.

- Каждый человек на протяжении года к этому дню, не особенно радостному, должен готовить себе подарок. Если не знаешь, чем будет сегодняшний подарок отличаться от прошлогоднего, это не хорошо, потому что нет поступательного движения. К счастью, ты не

Казалось, что Роман Григорьевич возвращается к жизни: он рвался репетировать и готовился выбираться из больницы. Но болезнь оказалась коварнее.

была в пионерском лагере и не знаешь, что такое коллективное сознание идиотизма. Протягивают красную ленточку, человек с пистолетом говорит: «Раз, два, три!» и стреляет. И надо бежать. Десять километров или сто метров. И соревноваться, кто раньше. И в руки еще давали фамилии. Я сразу говорил: «Давайте я не побегу, а поставлю свою табличку в ящик с единицей или двойкой». А начальник

твердил: «Раз, два, три: беги!» И я бежал. И пел: «В коммунистической бригаде с нами Ленин впереди». И в этом и есть жизнь. Если задумаешься, куда бежишь, что идиот стрелял, что глупость вокруг, что не достигнешь цели, никогда не прибежишь. Режиссер должен знать: «Беги, дурачок, беги! И не думай ни о чем». Пусть слезки каплют. Маму проси, чтоб помогла немножко. Но бе-ги! И подарочек себе такой придумай, чтобы весь абсурд вокруг в нем отобразить.

УДАЧЛИВЫЙ «РЕБЕНОК»

В конце речь зашла и о моем грядущем юбилее. И Роман Григорьевич сделал мне подарок. Два билета на легендарных «Служанок» по пьесе **Жана Жене**. Они впервые увидели свет в 1988 году на сцене «Сатирикона». Две сестры, Соланж и Клер, прислуживают Мадам. И завидуют ее красоте и богатству. Заявляют на любовника Мадам в полицию, а саму ее хотят убить. Все роли играют мужчины. Удачное соединение драмы, хореографии от **Аллы Сигаловой** и музыки. Да, еще сложный грим, как в Театре Кабуки. До Дмитрия Бозина Соланж

«Служанки» с мужчинами в роли женщин, впечатляющей хореографией и музыкой, которую после хотелось непрерывно слушать - в свое время спектакль изменил отношение к искусству в стране.

Евгения ГУСЕВА/kpmedia.ru

ЛУЖКОВ ОТДАЛ КВАРТИРУ СТАЛИНА

ПОДАРОК

Роман Григорьевич родился во Львове, который на тот момент был еще не украинским, а польским городом.

- Когда я учился в школе, он был звездой, ставя острые, будоражащие спектакли в театре юного зрителя, - вспоминает земляк, кинокритик **Андрей Плахов**. - После убийства его близкого друга, актера **Юрия Копосова**, покинул Львов.

В Москве Роман Григорьевич жил в доме на Тверской. В просторной квартире, которая когда-то принадлежала сыну, а потом внуку **Сталина**. С видом на Кремль и Госдуму. В 90-х она досталась Виктюку от тогдашнего мэра

Москвы **Лужкова**. Квартиру выхлопотал мэтру актер **Михаил Ульянов**. Он играл у Виктюка. По мистическому стечению обстоятельств - тоже Сталина. В спектакле «Уроки мастера». Ульянов был вхож в кабинет к Лужкову. И для того, чтобы помочь Виктюку с жильем, принес градоначальнику документы, воспевающие Романа Григорьевича. Но Лужков ответил, что жильцы найдены. Тогда Ульянов с теми же интонациями, с какими говорил за Сталина, спросил, может ли назвать хотя бы фамилию того, о ком хлопочет. Лужков разрешил. Услышав «Виктюк», ответил: «Ему - можно!»

РЕЖИССЕРСКИЙ ХОД

«ПОВЕРИЛИ, ЧТО УМЕЮ ЛЕТАТЬ»

Виктюк, бывало, вспоминал родной Львов. Высокое дерево во дворе дома.

- Однажды я убедил всех ребят в том, что умею летать, - рассказывал режиссер. - Собрал такую же, как я, детвору, забрался на верхушку дерева и сказал: «Сейчас полечу». Ребята стояли внизу и считали до четырех... А я не летел. Они вновь считали. Не летел. А на третий раз прыгнул, ударился о землю, но тут же поднялся, и, подобно белому лебедю из балета Чайковского, начал изображать полет. Ребята поверили, что я могу летать, подхватили на руки, подняли высоко. А это был просто режиссерский ход...